

ОБРАЗ ЖИЗНИ

ОТКРОВЕНИЯ

Крёстный отец пермского капитализма

Евгений Сапиро поговорил с молодыми парламентариями «о времени и о себе»

СЕРГЕЙ КУЧЕВАСОВ

Сегодня, когда некоторые страницы истории переписываются чуть ли не каждый день, встреча с участником тех или иных событий — на вес золота. Возможность узнать из первых уст о событиях, уже ставших историей, появилась у членов Молодёжного парламента Пермского края. К ним на встречу пришёл Евгений Сапиро, доктор экономических наук, профессор, экс-спикер Законодательного собрания, министр региональной и национальной политики РФ. Но самое главное — это опытный политик и весьма информированный человек, который хотя бы в силу своего возраста может называть вещи своими именами.

Не верил в рынок

Я честолюбивый человек. Надеюсь, что не сверх меры, а в рамках здравого смысла. Я и спортом занимался в своё время. Наверное, началось с этого: третье место, потом надо быть вторым, потом первым. Правда, выше второго места в области не поднимался, но вот на втором месте был. Потом завод: мастер, старший мастер, замначальника цеха. В науке — ассистент, старший преподаватель, доцент, профессор, то есть упираешься, лезешь, пишешь статьи, растёшь и пр.

Когда я пришёл в политику, честное слово, карьеризма не было. Была труднейшая, но интереснейшая задача. На нашу долю выпало такое время: представьте себе, был капитализм когда-то там в России, потом 70 лет вроде бы социализм, и вдруг всё это поворачивается. Как учёный я не верил, что возможно похоронить плановую экономику и полностью перевести на рынок. Я думал, что это невозможно, думал, что это будет глубокий хозрасчёт, где-то там на грани, что-то вроде первой стадии китайского варианта.

Но когда это всё посыпалось, я вдруг поймал себя на мысли, что в области-то я один из немногих, кто хотя бы туманно представляет, что надо делать, что мы скоро не из критических статей о США и Германии узнаем, что такое безработица. Вы не можете себе представить, что когда-то такого понятия просто не существовало. В Советском Союзе был

постоянный дефицит трудовых ресурсов. Я сразу понял, что надо думать о таких институтах, как трудоустройство, антимонопольный комитет. Мы тогда не знали слова «приватизация», но я тогда это формулировал как «распределение государственной собственности в пользу частных лиц».

Не могу согласиться с термином «политическое долголетие» в отношении себя. Конечно, горжусь, что я был федеральным министром, но настоящим министром был всего пять месяцев. Вот у кого пусть не политическое, а аппаратное долголетие, это у Юрия Петровича Трутнева — он уже с 2004 года в «верхах», а я удержался там всего-навсего пять месяцев. То есть по трудовой книжке я министр год и три дня, а фактически — пять месяцев.

Но я горжусь, что были некогда равновесные фигуры рядом со мной, которые ушли в историю. Вот, например, в 1999 году меня разгромил на выборах в Государственную думу Павел Анохин, а сейчас где Анохин? Кто его знает — нет его. А я всё-таки на плаву: то роман напишу, то в «Новом компаньоне» напишу, то вот с вами встречаюсь. Это, наверное, всё же преподавательский менталитет.

Есть ещё один трагический момент. У меня в 1991 году погиб сын. Это были самые трудные времена, но я никого и ничего не боялся, потому что не было «заложника», и я вёл очень независимую политику. Наверное, если бы этого не было, то не было бы и такого

роста. И когда я был преподавателем, я за карьеру боролся, но, когда я был во власти, абсолютно не боролся, это само шло: сначала просто заместитель, потом первый заместитель, потом спикер, потом Совет Федерации, зампредседателя комитета, председатель комитета, министр.

Когда-то газета «Звезда», которая меня очень не любила (вернее, её редактор Сергей Трушников), назвала меня в ругательном смысле крёстным отцом пермского капитализма. Сегодня я горжусь этим.

И ёщё: за всё время моей деятельности мне ни разу не предложили взятку. А я ведь был главным по рыночным отношениям. Как-то однажды я летел в самолёте, и со мной летел такой спортивный парень — из «верхов» криминальных кругов. Он и говорит: «Нет, мы к вам не ходили, потому что знали, что это бесполезно».

Понты не дороже денег

Мне очень повезло в жизни, что я уже в возрасте, когда, скажем так, уже «ехал с ярмарки», занял эти командные высоты. Это были времена эпохи Горбачёва — Ельцина, когда ценилась независимость. Вот сегодня попробуй отзови подпись под договором об общественном согласии. Бог ты мой — моментально бы вышибли, и всё! Дух времени был таков, нам повезло.

И когда меня сняли, я очень легко из машины с мигалкой пересел в метро. Тем более что я творческий работник, я пишу всё время, до сих пор пишу. У меня есть чем заняться, мозги до сих пор работают, а понты уже не дороже денег.

А вот молодым оказаться наверху, а потом опуститься вниз — это, наверное, тяжело. И тут человек может сломаться, как многие мои хорошие знакомые, которые по тем временам были очень независимы. Та же Мизулина, например, она была такой боев, вообще-то, прогрессивный... Не буду другие фамилии называть, но у меня большой список тех людей, которые, грубо говоря, «скучились». Но из песни слов не выкинешь, я отвечаю за свои слова.

Импортозамещение от сырости

Импортозамещение? От чего оно появится — от сырости? Самые лучшие инновационные компании (Apple, Mitsubishi и др.) появились в результате естественного отбора, в результате конкуренции. Худшие отпали, лучшие пробились. Теперь же ставится задача вот этих лучших отодвинуть и вырваться вперёд.

Вот я бегал на дистанции 800 м, и был такий Игорь Неволин в университете, у которого я никак не мог выиграть. Чтобы выиграть, мне или допинг надо принять, или ноги на пару сантиметров удлинить, или ещё чего-нибудь придумать.

С импортозамещением — полная аналогия: за счёт чего? Может быть, за счёт привлечения инвестиций, когда они придут из-за налоговых преференций или логистики. Мы ставим условия, что 50% комплектующих должны быть наши. Но просто так по приказу ни ЦК КПСС, ни Путина это не делается. Это объективный процесс, поэтому я, увы, не вижу, как они это собираются сделать. Это выше моего понимания.

«Крымнаш» — авантюра

Я сразу после присоединения Крыма публично сказал, что это авантюра. Ещё в 1996 году, когда я был сенатором, Лужков выступил на заседании Совета Федерации с предложением рассмотреть вопрос о возвращении Крыма. Я и тогда выступил категорически против, задал ему вопросы: как это решено по линии МИД, с кем велись переговоры? И когда он мне ответил, я сказал, что сейчас нечего сотрясать воздух.

С тех пор я не изменил своё мнение. Более того, я родился на Украине, и, когда мне кто-то рассказывает, что мы наводим там порядок, у меня ничего, кроме неприятия, это не вызывает.

Кроме всего прочего, у меня менталитет вульгарного экономиста, и я смотрю: предположим, там были бы колосальные залежи нефти или бы вдруг золото лежало на поверхности в Крыму и в Донецке. Но я знаю, что там шахты глубокого залегания, 60-летняя история добычи, что там ахметовские металлургические заводы, которые, если в течение ближайших пяти лет их не реконструировать, рухнут. Донбасс ещё позавчера, до всех этих действий, был убыточным регионом — это как наш Кизел. И вдруг мы этот «подарок» не только берём, а ещё и под идеологическими лозунгами «скреп» посыпаем добровольцев и ведём какую-то двойную игру.

Нельзя нарушать договорённости. Если определены правила игры, то нарушать их нельзя. Мы подписали как минимум два соглашения, самое мощное из которых то, где мы дали гарантии безопасности Украины. И мы это нарушили.

Зачем? Не знаю. У меня это в голове не укладывается.

